Правовой режим деприватизации в российском законодательстве: нормативно-правовой и правоприменительный аспект

Васиян Роман Иванович
доцент, Департамент гуманитарного и социально-экономического образования, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; заместитель генерального директора по правовому обеспечению и корпоративному управлению, АО «Концерн “Уралвагонзавод”, R_Vasiyan@mail.ru

Статья посвящена комплексному исследованию правового режима деприватизации в российском законодательстве в единстве его нормативно-правового и правоприменительного аспектов. Раскрывается генезис субинститута деприватизации, проводится сравнительно-правовой анализ категорий «деприватизация» и «национализация», обосновывается их принципиальное разграничение по целям, основаниям и правовым последствиям, предлагается авторское определение деприватизации. Центральное место занимает анализ проблемы применения сроков исковой давности к отношениям деприватизации на основе актов Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Подробно анализируются резонансные судебные дела, демонстрирующие отсутствие единообразия в правоприменительной практике. Исследуется проблема объекта деприватизационных правоотношений, включая допустимость обращения взыскания на производное имущество. Формулируются предложения de lege ferenda, в том числе новая редакция пункта 2 статьи 196 Гражданского кодекса РФ, обосновывается необходимость информационного обеспечения процедуры деприватизации. Рассматривается формирование новой парадигмы взаимоотношений бизнеса и государства в контексте обеспечения баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: деприватизация, приватизация, национализация, исковая давность, публичная собственность, частная собственность, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, публичные интересы, недействительность сделок, правоприменительная практика, баланс интересов.

Введение

В настоящее время в российском юридическом сообществе и информационном пространстве достаточно остро обозначена проблема, которая выражается в такой категории, как «деприватизация». Правовые основы для данного явления были заложены ещё в Законе РСФСР от 3 июля 1991 года № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», однако детальная регламентация указанных отношений появилась лишь с принятием Федерального закона от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», установившего специальные основания для оспаривания сделок, лежащих в основании приватизации.

Важнейшим шагом в развитии субинститута деприватизации стало введение в Федеральный закон о приватизации № 178-ФЗ (ред. от 17.11.2011 № 327-ФЗ) статьи 28.1, устанавливающей специальные основания недействительности сделок приватизации, выходящие за рамки общих оснований, предусмотренных статьями 166–181 Гражданского кодекса РФ. С.А. Степанов верно заметил: «Если в 1990-е годы оспаривание приватизации шло преимущественно по общим основаниям о недействительности сделок (порок воли, заблуждение), то с принятием статьи 28.1 Закона о приватизации акцент сменился на формальные, объективные нарушения процедуры, что сделало механизм деприватизации более чётким, но более жестким». Однако в дальнейшем указанная статья не получила отражения в редакции от 15 декабря 2025 года Закона о приватизации, что вряд ли можно признать достаточно обоснованным.

Актуальность исследования обусловлена тем, что последняя чреда «деприватизационных» дел явственно показала необходимость чёткого закрепления на законодательном уровне оснований для квалификации совершённой ранее приватизации как незаконной. Проблемы правового режима деприватизации носят комплексный характер и затрагивают не только гражданско-правовую, но и публично-правовую сферу, включая вопросы противодействия легализации имущества, полученного незаконным путём [2].

Целью исследования является комплексный анализ правового режима деприватизации в российском законодательстве, выявление проблем правоприменительной практики и формулирование предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования данных отношений.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы нормативно-правовые акты Российской Федерации (Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»), акты Конституционного Суда РФ (Постановление от 31 октября 2024 года № 49-П, Определения от 14 апреля 2025 года № 913-О и № 914-О, Определение от 30 октября 2025 года № 2757-О), акты Верховного Суда РФ (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 25 апреля 2025 года № 307-ЭС24-22235), а также решения арбитражных судов и судов общей юрисдикции по конкретным делам о деприватизации.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-юридические методы познания. Использован формально-юридический метод при анализе нормативных актов и судебных решений, сравнительно-правовой метод при сопоставлении деприватизации и национализации, метод системного анализа при выявлении взаимосвязей между различными элементами правового режима деприватизации. Применён также метод правового моделирования при формулировании предложений de lege ferenda. При анализе проблемы обращения в публичную собственность имущества, полученного преступным путём, автор опирался в том числе на работы, рассматривающие правовые аспекты государственного регулирования публичных отношений в контексте обеспечения баланса частных и публичных интересов [3, 4]. Методологически значимым является обращение к исследованиям, анализирующим правовые механизмы обеспечения публичных интересов в смежных

сферах правового регулирования [8], поскольку проблематика деприватизации затрагивает фундаментальные вопросы соотношения частного и публичного права.

Результаты и обсуждения

В литературе исследователями высказаны различные соображения по поводу соотношения деприватизации и национализации. Некоторые авторы помимо термина «деприватизация» используют также термин «распривatизация» (применительно к жилым помещениям), интерпретируя первый термин как добровольную передачу ранее приватизированного имущества государству, а второй - как возвращение имущества государству на основании признания в судебном порядке недействительным договора о приватизации. Вместе с тем в законодательстве, а также в судебной практике отсутствуют легальные определения указанных терминов, в связи с чем в дальнейшем представляется возможным использование единого термина «деприватизация».

В первых законопроектах о национализации, разработанных в конце 1990-х - начале 2000-х годов, термины «национализация» и «деприватизация» имплицитно отождествлялись; в них скрытно воплощалась интенция путём деприватизации добиться возвращения в собственность государства имущества, которое с нарушением законодательства в 1990-е годы подверглось приватизации. Не проводится необходимых различий между указанными понятиями и в ряде зарубежных источников, когда деприватизация определяется как целенаправленный процесс возврата прав собственности, контроля или управления над активами, ранее переданными в частные руки, публичному сектору.

Деприватизация и национализация имеют как общие признаки, так и существенные различия. К общим относится то, что в результате каждой из указанных процедур прекращается право частной собственности и возникает право публичной собственности; кроме того, с помощью данных экономико-правовых форм поддерживается баланс публичных и частных интересов, исходя из принципов справедливости, добросовестности, соразмерности и пропорциональности [10]. На отношения, связанные с деприватизацией и национализацией, распространяются общие положения Конституции РФ, предусматривающие, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом, однако в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны, экономической безопасности государства.

По справедливому замечанию Е.П. Губина, «деприватизация и национализация - хотя и близкие, но всё же разные понятия. Основная цель деприватизации - вернуть государству и обществу всё незаконно полученное в процессе приватизации. Основная цель национализации - удовлетворение общественных (государственных) интересов». По характеру деприватизация как изъятие незаконно приватизированного имущества из частной собственности есть санкция, применяемая к частному лицу за совершённое ранее правонарушение, в результате которого публичным интересам причиняется существенный вред. Основания же национализации непосредственно не связаны с противоправными действиями субъекта права частной собственности.

Нередко авторами смешиваются правовые основания, когда осуществляется обращение частного имущества в государственную собственность в связи с нарушением запретов законодательства в сфере приватизации, и когда такое изъятие допускается потому, что имущество было получено вследствие нарушения антикоррупционных требований и запретов. Как отмечено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 года № 49-П, именно последние обстоятельства, «а не иные основания изъятия имущества из частной собственности в публичную (как, например, неправомерное выбытие имущества из федеральной собственности в результате нарушения порядка приватизации) лежат в основе исковых требований прокурора» в связи с нарушением конкретным лицом антикоррупционных требований.

В целом о деприватизации можно вести речь только в тех случаях, когда ранее имела место приватизация имущества с нарушением установленных запретов и ограничений в законодательстве о приватизации, что повлекло причинение существенного имущественного и иного вреда публичным интересам. В противном случае можно говорить лишь об иных основаниях принудительного обращения частного имущества в государственную собственность, предусмотренных положениями пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса РФ.

Деприватизацию частной собственности необходимо рассматривать как одну из важных и особых форм политико-правовой и экономической деятельности государства, предусмотренных законом, для обеспечения защиты государственных интересов в случаях, когда последним причинён существенный вред. С учётом изложенного деприватизация определяется как особая политико-правовая и экономическая форма деятельности компетентного публичного органа для обеспечения защиты нарушенных государственных имущественных и иных интересов, осуществляемая на основании и в порядке, установленном законом, направленная на принудительное безвозмездное изъятие у лица ранее незаконно приватизированного им имущества, в результате чего публичным интересам был причинён существенный вред, и обращение этого имущества в публичную собственность с целью возмещения причинённого государству ущерба. Указанное определение неприменимо к так называемой «добровольной деприватизации» ранее приватизированных гражданами жилых помещений, которая представляет собой самостоятельное правовое явление.

В настоящее время остро актуализирована проблема применения сроков исковой давности к отношениям, связанным с деприватизацией имущества, приватизированного в 1990-е годы и последующее время с нарушением запретов и порядка, установленных законодательством. Данный вопрос имеет фундаментальное значение для обеспечения правовой определённости и стабильности гражданского оборота - необходимого условия функционирования правового государства [3, 10].

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 31 октября 2024 года № 49-П сделал вывод о неприменимости сроков исковой давности к отношениям, связанным с обращением имущества частного лица в государственную собственность, полученного в результате совершения коррупционных преступлений. Вместе с тем, как указано в названном Постановлении, этот вывод «не может быть автоматически распространён на решение вопроса о применимости или неприменимости исковой давности к иным, помимо указанных, исковым заявлениям, направленным на передачу имущества публично-правовым образованиям или признание их права на имущество, в том числе основанным на нарушении порядка приватизации».

В актах судебных органов формируется тенденция, в соответствии с которой сроки исковой давности не подлежат применению также и к отношениям, связанным с деприватизацией имущества, приватизированного ранее с нарушением требований законодательства, хотя такая практика не всегда носит последовательный характер. Так, первый заместитель прокурора Саратовской области, ссылаясь на несоблюдение предусмотренных Указом Президента РФ от 10 января 1993 года № 8 условий и порядка приватизации объектов социально-культурного назначения, обратился с иском об истребовании спорных зданий и земельных участков из незаконного владения ООО «Мираж» и других лиц. Данный иск был удовлетворён решением Арбитражного суда Саратовской области от 25 марта 2023 года по делу № А57-4722/2022, поддержанным судами вышестоящих инстанций. Отклоняя довод ответчиков о пропуске срока исковой давности, суды пришли к выводу о необходимости исчисления этого срока с момента завершения прокуратурой проверки, а в качестве дополнительного аргумента отмечена недопустимость применения института исковой давности в качестве способа легализации имущества, незаконно приобретённого в ущерб интересам публичного собственника.

В Определении Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2025 года № 913-О указано, что «с момента принятия решения о приватизации имущества, при подготовке и заключении договора купли-продажи в сфере указанных отношений действуют и нормы гражданского права …, а, следовательно, имеется возможность применения гражданско-правовых способов защиты прав как публично-правовыми образованиями, так и владельцами приватизированного имущества». Далее отмечено: «Интересы защиты права собственности и стабильности гражданского оборота предопределяют не только установление судебного контроля за обоснованностью имущественных притязаний его участников, но и введение в правовое регулирование норм, которые позволяют одной из сторон блокировать судебное разрешение имущественного спора по существу, если другая сторона обратилась за защитой своих прав спустя значительное

время после того, как ей стало известно о том, что ее права оказались нарушенными». Аналогичные позиции изложены в Определении от 14 апреля 2025 года № 914-О.

Таким образом, из Определений Конституционного Суда РФ № 913-О и 914-О следует, что названная высшая судебная инстанция выразила правовую позицию о применимости сроков исковой давности к отношениям деприватизации, осуществлённой с нарушением запретов и условий законодательства о приватизации. При этом суд обладает необходимыми дискреционными полномочиями по определению момента начала течения срока исковой давности с учётом конкретных обстоятельств дела.

С. Бородзин выразил критическое мнение, что «позиция КС РФ в Отказных определениях обусловлена конкретными обстоятельствами дел и не свидетельствует о неприменении института давности по делам о деприватизации, не связанным с нарушением антикоррупционного законодательства». Такой вывод вряд ли можно признать достаточно обоснованным. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 года № 49-П сформулировано положение о неприменимости сроков исковой давности к отношениям, связанным с обращением имущества, полученного в результате коррупционных преступлений, а в Определениях № 913-О и № 914-О Конституционный Суд РФ дополнил свою позицию, указав, что к отношениям деприватизации подлежат применению сроки исковой давности, установленные Гражданским кодексом РФ, что является логичным, поскольку такие отношения носят гражданско-правовой характер. Данная позиция представляется обоснованной: отношения между государством и лицом, складывающиеся по поводу изъятия имущества, полученного коррупционным путём, относятся к публично-правовой сфере, к которой нормы гражданского права об исковой давности, исходя из их иной природы, не могут применяться.

Вместе с тем в случаях, когда государственное имущество было приватизировано с использованием коррупционных механизмов либо с нарушением предписаний Федерального закона, касающихся запрета отмывания денежных средств, полученных преступным путём (что должно быть установлено в судебном порядке), институт исковой давности не должен применяться, поскольку он не может использоваться для легализации имущества, приобретённого противоправным путём.

Вопрос определения момента начала течения срока исковой давности становился ключевым более чем в двадцати судебных делах о деприватизации, рассмотренных в 2024 году. Важность проблемы обусловила то, что 16 декабря 2024 года Президентом РФ по итогам встречи с представителями деловых кругов было дано поручение рассмотреть до 1 апреля 2025 года вопрос о сроках давности при оспаривании приватизации.

В соответствии с положениями статьи 196 Гражданского кодекса РФ общий срок исковой давности составляет три года, но не может превышать десять лет со дня нарушения права. По общему правилу течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком (п. 1 ст. 200 ГК РФ). Однако, исходя из положения статьи 191 ГК РФ, течение срока начинается на следующий день после соответствующей календарной даты или наступления определённого события. Данные нормативные положения на практике интерпретируются по-разному.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении от 25 апреля 2025 года № 307-ЭС24-22235 отменила решения арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, поддержавших исковые требования заместителя прокурора Ленинградской области, указав, что «у арбитражных судов не имелось оснований не применять исковую давность по иску по настоящему делу, которая не может исчисляться с даты проведения проверки процессуальным истцом». И далее: «Принимая во внимание, что процессуальным истцом не доказано наличие оснований для признания недействительными оспариваемых им сделок по отчуждению имущества и, кроме того, с очевидностью пропущен срок исковой давности, о применении которой заявлено ответчиком, что согласно пункту 2 статьи 199 Гражданского кодекса является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске».

Вместе с тем на практике немало противоположного рода решений, когда арбитражные суды удовлетворяют исковые требования представителей Генеральной прокуратуры РФ в защиту публичных интересов о признании совершённых много лет назад сделок о приватизации государственного имущества недействительными и возвращении его в государственную собственность, исходя из того, что срок исковой давности начинает течь с момента, когда надзорный орган выявил соответствующее правонарушение, либо полагая, что срок исковой давности вообще не применим к таким отношениям.

Ленинский районный суд г. Екатеринбурга в марте 2023 года удовлетворил иск заместителя генерального прокурора РФ к гр-ну Гайсину и аффилированным с ним компаниям об обращении в доход государства 55,32% акций ОАО «Уральский завод электрических соединителей «Исеть» в Свердловской области, а в августе 2023 года также удовлетворил иск о взыскании в государственную собственность акций АО «Уралбиофарм» и банка «Вятич». Суды мотивировали свои решения тем, что гр-н Гайсин, используя положение депутата Государственной Думы, занимался предпринимательской деятельностью, осуществлял незаконные сделки по приобретению акций через подконтрольные компании, выводил средства предприятия, а также указали, что к данным отношениям не подлежит применению срок исковой давности.

Однако 25 июня 2024 года Верховный Суд РФ отменил судебные акты нижестоящих судов на том основании, что действия Гайсина в то время, когда они совершались, не были запрещены действовавшим тогда законодательством, и счёл необоснованным выводы судов о неприменимости срока исковой давности. При повторном рассмотрении дела суд первой инстанции снова удовлетворил иск Генеральной прокуратуры и передал в государственную собственность завод «Исеть».

В деле № А17-1139/2024 Арбитражный суд Ивановской области в конце марта 2024 года удовлетворил иск Генеральной прокуратуры РФ об обращении в государственную собственность ранее приватизированного Ивановского завода тяжёлого станкостроения (ИЗТС), однако уже в сентябре 2024 года Второй арбитражный апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении исковых требований, отметив, помимо прочего, что Генпрокуратура нарушила срок исковой давности. При этом, по мысли апелляционной инстанции, отказ в применении исковой давности возможен, когда удаётся доказать, что ответчики и третьи лица злоупотребили правами, но в деле, связанном с деприватизацией ИЗТС, это установлено не было.

Особый интерес представляет дело «Группы компаний «Ариант», в котором Генеральная прокуратура РФ основывала требование о передаче активов Челябинского электрометаллургического комбината (ЧЭМК) в государственную собственность тем, что их приватизация в 1990-е годы была проведена незаконно: согласно правилам приватизации на 1992 год, решение об акционировании относилось к полномочиям Правительства России, а оно такого решения не принимало. Арбитражный суд Челябинской области удовлетворил иск, указав со ссылкой на статью 10 Гражданского кодекса РФ, что формальное применение срока исковой давности будет являться способом легализации прав на имущество, приобретённое в нарушение требований законодательства. Решение было поддержано Восемнадцатым арбитражным апелляционным судом и Арбитражным судом Уральского округа (13 марта 2025 года), а Верховный Суд РФ 6 мая 2025 года отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения. В Определении от 30 октября 2025 года № 2757-О Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы ООО «Группа компаний «Ариант», указав, что разрешение вопроса о сроке давности требует учёта правовой природы правоотношений и достижения баланса частных и публичных интересов.

Судебная практика придерживается позиции, что в качестве объекта деприватизации может выступать не только первоначально приобретённое в результате незаконной приватизации имущество, но и имущество, в которое первоначальное было преобразовано. В соответствии с Постановлением Конституционного Суда № 49-П последующее превращение имущества, приобретённого в нарушение антикоррупционных требований, в иное имущество посредством предпринимательской деятельности - будь то права участия в хозяйственных обществах, ценные бумаги, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, имущественные объекты, денежные средства и другие блага, - не исключает обращения такого имущества в доход государства. В контексте проблем цифровых активов исследователи отмечают необходимость совершенствования правовых механизмов контроля [7], что непосредственно связано с проблемами деприватизации в условиях цифровизации экономики.

Однако в случаях, когда имущество было приобретено не вследствие коррупционных преступлений, а в результате гражданско-правовых сделок, квалифицированных как ничтожные, необходим иной подход. В соответствии с пунктом 2 статьи 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой всё полученное по сделке, а в случае невозможности - возместить его стоимость. Поэтому в гражданско-правовых отношениях деприватизации, когда первоначальное имущество было существенно преобразовано в производное имущество, стоимость которого может значительно превышать первоначальную, взыскание компенсационного характера может быть обращено на рыночную стоимость первоначально полученного имущества, и, кроме того, государству должна быть возмещена упущенная выгода за всё время незаконного использования государственного имущества. Проблемы определения объекта деприватизационных правоотношений имеют параллели с вопросами правового режима объектов в иных сферах публичного регулирования [8].

Деприватизация должна сопровождаться информационным обеспечением - мероприятиями, направленными на создание возможности свободного доступа неограниченного круга лиц к информации о деприватизации, включающими размещение на официальном сайте в сети «Интернет» результатов деприватизации, решений соответствующего государственного органа, сведений об объектах имущества, их стоимости и иной информации.

Современные проблемы деприватизации в значительной мере обусловлены сменой парадигмы взаимоотношений бизнеса и государства. Начиная с 1990-х годов, между бизнесом и государством существовал негласный консенсус невмешательства, который в последнее время утратил свою работоспособность. Вместе с тем нельзя согласиться с прогнозами о широкомасштабной «реприватизации». Формируется новая парадигма, в основу которой должны быть положены принципы, отражающие современные угрозы и вызовы для российской экономики, необходимость обеспечения конкурентоспособности и суверенитета, в том числе в сфере цифровых технологий, эффективной защиты прав граждан и субъектов предпринимательства, поддержания баланса публичных и частных интересов. Обеспечение правопорядка в экономической сфере требует комплексного подхода, включающего совершенствование механизмов противодействия незаконным формам деятельности [7]. Взаимоотношения бизнеса и государства должны выстраиваться на принципиально иной основе, чётко зафиксировав стержневые взаимные экономические и социальные обязательства на длительную перспективу, не подлежащие спонтанным односторонним изменениям.

Выводы

Современный субинститут деприватизации представляет собой специфический механизм, связанный с нормами законодательства о приватизации, направленный на защиту имущественных и иных публично-правовых интересов. Деприватизацию необходимо чётко отграничивать от национализации: первая является санкцией за правонарушение, совершённое при приватизации, вторая направлена на удовлетворение публичных интересов вне связи с противоправными действиями собственника.

С целью обеспечения стабильности экономического оборота и правовой определённости необходимо закрепить в законодательстве обстоятельства, исключающие применение исковой давности при деприватизации. Конституционный Суд РФ обозначил отдельные ориентиры: исковая давность неприменима в случаях, когда приватизация была связана с коррупционными преступлениями, отмыванием денежных средств, злоупотреблением должностным положением, действиями по сокрытию доказательств незаконности приватизации. Предлагается изложить пункт 2 статьи 196 ГК РФ в следующей редакции: «Срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами», а в соответствующие федеральные законы внести дополнение о неприменимости срока исковой давности в имущественных спорах, связанных с изъятием и обращением имущества в публичную собственность. Принятие отдельного федерального закона о деприватизации при этом не является необходимым.

Следует также разграничивать публично-правовые отношения деприватизации, где степень публичной опасности противоправных деяний высока (коррупция, отмывание денежных средств), и к которым нормы гражданского права, включая институт исковой давности, неприменимы, и гражданско-правовые отношения деприватизации, где положения об исковой давности могут и должны применяться [3]. Определение момента начала течения срока исковой давности нельзя механически приурочивать к отдельному юридическому факту - оно относится к дискреции суда с учётом конкретных обстоятельств дела.

В гражданско-правовых отношениях деприватизации, когда первоначально полученное имущество было существенно преобразовано, взыскание компенсационного характера должно обращаться на рыночную стоимость первоначально полученного имущества с возмещением государству упущенной выгоды за время незаконного использования имущества.

Назначение института исковой давности нельзя противопоставлять ценностям обеспечения публичных интересов, стабильности экономического оборота, принципам справедливости и добросовестности, ибо данный институт, побуждая лицо к своевременному осуществлению защиты нарушенных прав, также способствует достижению указанных целей [10]. Основной концепт должен быть связан с чёткими критериями, закреплёнными в законе, определяющими случаи, когда исключается возможность применения исковой давности при разрешении имущественных споров о деприватизации.

Деприватизация должна сопровождаться надлежащим информационным обеспечением с использованием современных цифровых технологий, гарантирующим транспарентность и свободный доступ к соответствующей информации.

Литература

1. Карлеба, В. А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства - новые реалии / В. А. Карлеба // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 8. – С. 87–90. – DOI 10.23672/h9168-5725-6905-r. – EDN POFGSY.
2. Карлеба, В. А. Мониторинг оборота и легализации финансовых активов криминального происхождения : учебное пособие / В. А. Карлеба, Е. Л. Логинов ; Министерство внутренних дел Российской Федерации, ЦОКР МВД России. – Москва : ЦОКР МВД России, 2007. – 287 с. – EDN TZTEBV.
3. Шакеров, Р. Р. Порядок предоставления земельных участков для нужд недропользования / Р. Р. Шакеров // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7 (235). – С. 263–265.
4. Шакеров, Р. Р. Правовое регулирование выбросов парниковых газов в Российской Федерации / Р. Р. Шакеров // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 168–171.
5. Шакеров, Р. Р. Право студентов с ограниченными возможностями на доступ к образованию / Р. Р. Шакеров // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 625–627.
6. Черявко, Е. Д. Использование цифровых технологий организованной преступностью / Е. Д. Черявко // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2023. – Т. 9, № 3 (23). – С. 68–75.
7. Черявко, Е. Д. Предупреждение и пресечение незаконного оборота огнестрельного оружия - необходимая мера по борьбе с преступностью / Е. Д. Черявко // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2024. – Т. 10, № 2 (26). – С. 55–63.
8. Черявко, Е. Д. Правовая природа и признаки диверсионного сообщества / Е. Д. Черявко // Альманах молодого исследователя. – 2024. – № 16. – С. 135–139.
9. Майборода, Э. Т. Цифровые следы в системе доказывания: проблемы классификации и процессуальной регламентации / Э. Т. Майборода, Е. Д. Черявко // Юридическая наука. – 2024. – № 7. – С. 284–288.
10. Майборода, Э. Т. Правовые основы сохранения нематериального культурного наследия в РФ и КНР в условиях глобализации / Э. Т. Майборода, Е. Д. Черявко // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7 (235). – С. 187–189.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 года № 49-П // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2025 года № 307-ЭС24-22235 по делу № А56-85715/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

The legal regime of deprivatization in Russian legislation: regulatory and law enforcement aspects

Vasiyan R.I.

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, JSC Concern Uralvagonzavod

The article provides a comprehensive study of the legal regime of deprivatization in Russian legislation, examining both its regulatory framework and law enforcement dimensions. The genesis of the deprivatization sub-institution is traced, and a comparative legal analysis of the categories "deprivatization" and "nationalization" is conducted, substantiating their fundamental distinction by objectives, grounds, and legal consequences, with an original definition of deprivatization proposed. The central focus is the analysis of applying statutes of limitations to deprivatization relations based on the acts of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation. High-profile court cases are analyzed in detail, demonstrating a lack of uniformity in law enforcement practice. The problem of the object of deprivatization legal relations is examined, including the permissibility of levying execution on derivative property. De lege ferenda proposals are formulated, including a new version of Paragraph 2 of Article 196 of the Civil Code, and the necessity of information support for the deprivatization procedure is substantiated. The formation of a new paradigm of business-state relations in the context of balancing public and private interests is discussed.

Keywords: deprivatization, privatization, nationalization, statute of limitations, public property, private property, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, public interests, invalidity of transactions, law enforcement practice, balance of interests.

References

1. Karleba, V. A. International cooperation in the sphere of criminal proceedings - new realities / V. A. Karleba // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. – 2022. – No. 8. – P. 87–90. – DOI 10.23672/h9168-5725-6905-r. – EDN POFGSY.
2. Karleba, V. A. Monitoring of the circulation and legalization of financial assets of criminal origin : textbook / V. A. Karleba, E. L. Loginov ; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Central Training and Publishing Center of the MIA of Russia. – Moscow : Central Training and Publishing Center of the MIA of Russia, 2007. – 287 p. – EDN TZTEBV.
3. Shakerov, R. R. The procedure for granting land plots for subsoil use needs / R. R. Shakerov // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – No. 7 (235). – P. 263–265.
4. Shakerov, R. R. Legal regulation of greenhouse gas emissions in the Russian Federation / R. R. Shakerov // Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 3. – P. 168–171.
5. Shakerov, R. R. The right of students with disabilities to access education / R. R. Shakerov // Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 3. – P. 625–627.
6. Cheryavko, E. D. The use of digital technologies by organized crime / E. D. Cheryavko // Novizna. Eksperiment. Traditsii (N.Eks.T). – 2023. – Vol. 9, No. 3 (23). – P. 68–75.
7. Cheryavko, E. D. Prevention and suppression of illegal trafficking of firearms - a necessary measure in combating crime / E. D. Cheryavko // Novizna. Eksperiment. Traditsii (N.Eks.T). – 2024. – Vol. 10, No. 2 (26). – P. 55–63.
8. Cheryavko, E. D. Legal nature and characteristics of a subversive community / E. D. Cheryavko // Almanac of Young Researcher. – 2024. – No. 16. – P. 135–139.
9. Maiboroda, E. T. Digital traces in the system of proof: problems of classification and procedural regulation / E. T. Maiboroda, E. D. Cheryavko // Legal Science. – 2024. – No. 7. – P. 284–288.
10. Maiboroda, E. T. Legal foundations for the preservation of intangible cultural heritage in the Russian Federation and the People's Republic of China in the context of globalization / E. T. Maiboroda, E. D. Cheryavko // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – No. 7 (235). – P. 187–189.
11. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 49-P // Legal Reference System "ConsultantPlus."
12. Determination of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of April 25, 2025 No. 307-ES24-22235 in case No. A56-85715/2023 // Legal Reference System "ConsultantPlus."